

А. Г. Гуськов

ИРИ РАН, Москва, Россия. *guskov-andrei@mail.ru*

И. Майер

Упсальский университет, Швеция. *Ingrid.Maier@moderna.uu.se*

ЯЗЫКИ И ПЕРЕВОДЧИКИ: О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУПНЕЙШЕГО ПОЛИГЛОТА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ИВАНА ТЯЖКОГОРСКОГО¹

Исследование посвящено жизни и деятельности переводчика Посольского приказа Ивана Михайловича Тяжкогорского. Прослеживаются основные этапы его жизненного пути, обстоятельства поступления на работу в приказ (связанные с А. Л. Ординым-Нащокиным, главой приказа в этот период), вехи служебной карьеры, динамика изменения размера жалования, основные дипломатические и прочие службы. Большое внимание было уделено знанию языков, упомянутых в документах, — немецкого («цесарского»), французского, польского, латинского, венгерского, рутенского («белорусского»). Проведено сравнение письменных переводов И. Тяжкогорского с немецкого, французского и латинского языков, сохранившихся в архиве в виде черновики, с иностранными оригиналами, что позволило установить «иностранный акцент» переводчика в русскоязычных текстах. Опровергается ряд историографических заблуждений.

Ключевые слова: Россия в XVII в., переводчики Посольского приказа, Иван Тяжкогорский

Введение

Среди специалистов устного и письменного перевода, работавших в Посольском приказе в последней трети XVII и начале XVIII в., встречается имя Ивана Михайловича Тяжкогорского. Правда, за прошедшие десятилетия он мало интересовал представителей исторической науки, в отличие от ряда своих сослуживцев — Л. Гросса [Лаврентьев; Лаврентьев, Матвеева; Гуськов, Майер], С. Чижинского [Лукичев], Н. Спафария ([Белоброва; Белобородов] и др.), А. А. Винуса [Милуков; Гуськов; Шамин, 2019]. Последним двум даже были посвящены целые монографии [Михайловский; Урсул; Юркин; Wladimiroff; Voterbloem]. Счастливым исключением явилась статья в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [Буланин, Романова], хотя личность нашего героя поистине уникальна. Ситуация стала меняться лишь в последнее время, после выхода двух небольших статей [Майер; Майер, Русаковский]. Поиски в архивах в процессе работы над просопографическим исследованием о переводчиках XVII в. [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин] и изучение — хотя бы предварительное — ряда сохранившихся черновых переводов, выполненных Тяжкогорским, открыли значительное количество новой информации, позволяющей вновь обратиться к изучению его жизни и деятельности.

Биографические данные

Год рождения Ивана Тяжкогорского неизвестен, но на основе других данных о его жизни — например, о времени пребывания в Минске в качестве священника, о годе поступления на службу в Россию и годе смерти — можно предполагать, что он, наверное, родился где-то в первой половине 1630-х годов. Эта гипотеза также сходится с фактом, что бранденбургский посол Даниэль фон Принтц в 1699 г. про него писал, что он «седой, как лунь, старик» [Майер, с. 82]; считается вероятным, что такому старику было в тот момент около 65–70 лет. Очевидно, до приезда в Россию его звали Иоганн Шверенберг² (Johann/Johannes Schwenberg³).

¹ Авторы выражают благодарность Глебу Казакову, Олегу Русаковскому, Степану Шамину, Вере Ченцовой и Олене Янссон за разностороннюю помощь и ценные замечания, а Клаудии Дженсен за помощь с английской аннотацией.

² См. подробную аргументацию в статье: [Майер].

³ *Diarium Itineris In Moscoviam Perillustris ac Magnifici Domini Ignatii Christophori Nobilis Domini De Guarient, & Rai... Wien, [1700]. P. 41, 44, 53.* Русские переводы: Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию: (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Малейна. СПб., 1906. С. 44, 47, 57, 152, 163; *Ego же. Дневник путешествия в Московское государство* / [Пер. с лат. Б. Женева и М. Семевского] // *Рождение империи. М., 1997. С. 58, 61, 69, 147, 156.*

Неизвестен не только год рождения, но и город, где родился и вырос И. Тяжкогорский. Согласно документации Посольского приказа, он являлся выходцем из «цесарской земли», то есть Священной Римской империи германской нации⁴. Однако мы предполагаем, что он родом из Венгрии, точнее, из какого-то из западных венгерских двух- или трехязычных регионов [Майер, с. 79–80]. Это вряд ли сильно противоречит информации о «цесарской земле», так как, хотя Венгрия в формально-правовом отношении не являлась частью империи, она с 1570 г. тоже управлялась императором, в данном случае именовавшимся королем Венгрии. На эту мысль нас навели, с одной стороны, лингвистические «ошибки» Тяжкогорского в черновиках его переводов [Майер, с. 80–81], а с другой – включение венгерского языка в список его специальностей. Данная гипотеза подтверждается поздней делопроизводственной выпиской, назвавшей переводчика венгерским шляхтичем⁵.

Впрочем, имеется также архивный документ, противоречащий, на первый взгляд, версиям о «цесарской земле» и Венгрии: в одной из выписок «в пример»⁶ Посольского приказа указано, что Тяжкогорский приехал «из Литвы з Богданом Нащокиным, люторские вѣры»⁷ (в 1668 г.). Однако если бы он родился и вырос в Литве (или центральной Польше), он вряд ли так хорошо владел бы немецким языком, и трудно тогда объяснить, как он выучил французский и, возможно, итальянский, а знание венгерского было бы уже совсем исключено. (Впрочем, нам до сих пор неизвестно, насколько хорошо он владел этим языком, так как не обнаружено никаких переводов с венгерского и дипломатических контактов с Венгрией практически не было.) Согласно русской приказной терминологии, территориальная идентификация «из Литвы» обозначала выходца из любой части Речи Посполитой, без учета его национальной принадлежности (то есть не обязательно поляка или литовца). Вариант с пленением, ставшим причиной появления в приказе многих переводчиков польско-литовского происхождения (а также немца Л. Гросса), следует исключить в связи с заключением за год до его приезда Андрусовского перемирия, завершившего Русско-польскую войну 1654–1667 г. Данный вывод подтверждается размером установленного «новичного» оклада (50 руб.), абсолютно нехарактерного для бывших полоняников, и отсутствием каких-либо следов насильственного «вывоза» в приказной документации. Наиболее вероятным представляется рекрутирование Ивана Тяжкогорского русским послом Богданом Ординым-Нащокиным (двоюродным братом главы Посольского приказа А. Л. Ордина-Нащокина), впечатленным его лингвистическими способностями. Очевидно, добиться согласия на переезд в чужую страну удалось обещанием высокого оклада (что и было реализовано при приеме в приказ). Наверное, Ордины-Нащокины имели большие надежды на талантливого иноземца-переводчика.

Относительно вероисповедания Тяжкогорского тоже имеются якобы противоречащие друг другу документы: в приведенном выше документе утверждалось, что он был лютеранином, а в другом – что был католиком. С уверенностью можно утвердить, что на момент принесения присяги на верность российскому царю Тяжкогорский исповедовал католицизм. Одно из вероятных объяснений возникающего парадокса может заключаться в предоставлении ложной информации самим будущим переводчиком. По приезде в Россию, имея сведения, что к католикам здесь относятся с большим недоверием, чем к протестантам, он, вероятно, выдал себя за последнего. Однако перед присягой, предусматривавшей крестоприведение в церкви, он не стал брать серьезный грех на душу и объявил свое истинное вероисповедание. Впрочем, с нашей гипотезой о венгерских корнях католичество хорошо соотносится (лютеран там во все времена было мало).

---

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. № 20. Л. 110.

⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. № 4. Л. 46. См. также цитату в работе: [Майер, с. 77].

⁶ Возможно, что на этой выписке основана гипотеза К. В. Харламповича и других, что Тяжкогорский был выходцем с Украины, так же как Лаврецкий, Чижинский и многие другие переводчики [Харлампович, с. 430–432].

⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. № 5. Л. 37. (Цитаты здесь и далее приводятся в упрощенной орфографии.)

Судя по всему, Иван Тяжкогорский (бывший Иоганн Шверенберг) прожил на территории Речи Посполитой (возможно, и на ее землях, занятых русскими войсками) не менее 8–10 лет, что объясняет его знание польского, «белорусского» — рутенского — и русского языков (подробности о знании языков см. в следующем разделе). Согласно словам польского посла К. Гжимултовского, контактировавшего с переводчиком на переговорах в Андрусове в январе — марте 1684 г., Тяжкогорский какое-то время служил приходским священником в Минске [Кочегаров, с. 225, примеч. 180] — очевидно, католическим или униатским. На обеде с польским дипломатом в марте 1684 г. Тяжкогорский — в документе два раза названный «Ясногорским» — удивил Гжимултовского «своими обширными познаниями в географии Речи Посполитой» [Кочегаров, с. 225, примеч. 180]. Можно предположить, пока еще чисто гипотетически, что пребывание Тяжкогорского в Великом княжестве Литовском обуславливалось миссионерскими задачами. Попасть туда он мог либо до лета 1655 г., то есть до момента взятия города русскими войсками в ходе Русско-польской войны 1654–1667 г., либо после июня 1660 г., когда в город вернулись польско-литовские власти⁸ (из реляции Гжимултовского не ясно, когда это было). Последняя дата более вероятна, так как город был сильно разорен в ходе боевых действий, потеряв и прежнее католическое духовенство. В качестве гипотезы можно предположить, что Шверенберга направили в освобожденный город для помощи сильно поредевшей общине. Мы не знаем, возглавил он приход сразу по прибытии в Минск или получил этот пост позднее в ходе своей деятельности, и также неизвестно, когда он сложил с себя духовный сан. Так или иначе, к 1660 г. ему должно было быть не менее 25–30 лет. Возможно, его духовное служение не ограничивалось приходом в одном городе Речи Посполитой, что могло бы объяснить его географический кругозор. Бывшее же священничество сходится с попыткой скрыть в Москве свою веру.

Вероятно, наш герой сам еще в Литве (в Минске) перевел свою фамилию Шверенберг («тяжелая/тяжкая гора») на русский язык — или сначала на польский. По-польски «тяжелая гора» будет «ciężka góra», а прилагательное — «Ciężkogórski». Либо для благозвучия, либо на основе недоразумения при устных контактах эта фамилия могла превращаться в «Jasnogórski» (как в реляции польского посла Гжимултовского; см. выше). Представляется вероятным, что трансформация фамилии сначала прошла польскую стадию: во-первых, в первые годы его службы в приказной документации иногда встречается вариант «Чешкогорский»; во-вторых, нам неизвестно ни одного другого случая, когда в Посольском приказе калькировали бы фамилию иностранца, — как правило, вместо калькирования («перевода») происходила простая фонетическая адаптация типа «Meißner — Мейснер». Так, например, Филат Адлер (Adler) не становился «Ф. Орловым», Англеры в Москве не назывались «Удильщиковыми» или Юрий Гивнер (Georg Hüfner) — «Садовниковым» и т. д. Тяжкогорский, таким образом, является совершенно уникальным случаем также и в этом отношении.

С момента поступления Тяжкогорского в Посольский приказ появляются документы, позволяющие отказаться во многих нередких от гипотетических рассуждений. 1 сентября 1668 г. по царскому указу его зачислили в состав российского дипломатического ведомства: «велено ему Ивану быть в Посольском приказе в переводчиках»⁹. Во время процедуры «приведения к вере», проходившей 4 сентября 1668 г.¹⁰, Тяжкогорский после клятвы на распятии поцеловал икону и заверил крестоприводную запись собственной подписью: «А вѣрился пред образом распятия г(о)сп(о)да б(о)га и сп(а)с(ител)я н(а)шего Иис(у)с(а) Хр(и)ста... для того, что он католицкие вѣры. И проговоря кр(е)стоприводную запис(ь), образ распятие Хр(и)ст(о)во целовал»¹¹.

⁸ Минск был занят русскими войсками 3 июня 1655 г. [Курбатов, с. 56], возвращение армии Речи Посполитой произошло 23 июня (3 июля) 1660 г. [Флоря, 2010, с. 568].

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. № 2. Л. 1.

¹⁰ По умолчанию все даты указаны по старому стилю (иногда в скобках дополнительно указан новый стиль).

¹¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 4.

Так как в Москве в то время отсутствовал католический священник (кслндз), единственным, кто «стоял у веры» в Посольском приказе, был подьячий Андрей Иванов, который с 1640-х годов курировал переводчиков и толмачей в дипломатическом ведомстве [Беляков, с. 55].

После зачисления на службу И. Тяжкогорский получил подъемные в размере 10 руб. «в приказ»¹² и еще 50 руб. «по имянному государеву указу». Одновременно ему установили достаточно высокий оклад: поместный — 300 чети, денежный — 50 руб. в год и поденный «корм» — 10 алт. в день¹³. Поскольку переводчики постоянно участвовали в церемониях приема иностранных послов, их внешний вид не должен был умалять государеву честь. С этой целью некоторым из «новиков», то есть новых сотрудников, казна выделяла парадную одежду («платье») или ткани на ее изготовление. Новоиспеченный переводчик получил с Казенного двора достаточно богатую дипломатическую униформу: «кунтушь сукно кармазин, надставка з золотом», кафтан «камчат» с серебряными пуговицами, бархатную шапку с собольей опушкой, желтые сафьяновые сапоги и красные («багрецовые») штаны¹⁴. Данное пожалование применялось в основном к малообеспеченным (приезжим или пленным) переводчикам и толмачам до второй половины 1670-х годов, когда его сменила особая денежная выплата [Беляков, Гуськов, Шамин]. Несомненно, что такие крупные пожалования, явно превышающие стандартное обеспечение новых служащих, обуславливались личным интересом главы приказа А. Л. Ордина-Нащокина, который смог добиться для своего протекже даже особого государева указа.

Из всего пожалованного И. Тяжкогорскому обращает на себя внимание лишь один предмет — кунтуш, то есть вид польской верхней одежды с откидными разрезными рукавами. Данное пожалование выглядит несколько странно, так как подобную одежду официальные российские власти не поощряли, а в определенные годы и запрещали. Например, 6 августа 1675 г. указом царя Алексея Михайловича вводилось ограничение на ее использование: «платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носить» [Шамин, 2005, с. 24]. Выдавать в качестве «парадной» одежду, скроенную по образцу самого активного оппонента страны на международной арене, противоречило здравому смыслу. Возможно, это было связано с постоянно менявшимся интересом к Речи Посполитой со стороны российской аристократии, например, с временно возникшей «модой» на польскую одежду под влиянием многочисленных выходцев с западных рубежей, в том числе и пленных в результате боевых действий Русско-польской войны 1654–1667 г. От запретов на «вражеское платье» могли отказаться после заключения Андрусовского перемирия в результате культурного обмена, особенно интенсивно происходившего на переговорах между русскими и польскими дипломатами. Другое возможное объяснение связано с восприятием кунтуша не как польской одежды, а как «платья», пришедшего с востока через венгерские земли. Так как Тяжкогорский прибыл «из цесарской земли венгер шляхтич» (хотя и через Литву), в качестве дара он мог получить известный ему вид кафтана.

Примерно через год¹⁵ И. Тяжкогорский, узнав положительные стороны исповедования официальной религии Московского государства, православия, совершил обряд перекрещения. Его результатом стали двукратное повышение годового оклада (до 100 руб.) и прибавка кормовых

---

¹² Формула «в приказ» обозначала, что выплата разовая (уникальная, экстраординарная), то есть она не повторялась, как оклад или «корм», и ее нельзя было использовать как образец для аналогичных пожалований («в пример»).

¹³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 54.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Точную дату крещения установить пока не удалось. Обряд был совершен в промежутке между 30 ноября 1669 г. и апрелем-маем 1670 г. Первая дата определяется по выплате годового оклада в 50 руб. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 16. Л. 45 об.), вторая — по выписке в связи с пожаром 28 апреля 1670 г., в которой указывается уже повышенный после крещения оклад в 100 руб. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. № 8. Л. 114–115).

(до 16 алт. 4 денг., то есть 50 коп.)¹⁶. За «подначалие»¹⁷ и крещение он, вместе с новообращенной супругой¹⁸, получил 200 золотых червонных, 50 руб. «в приказ»¹⁹ и вознаграждение в виде тканей, одежды и мелких денег еще на 118 руб.²⁰ Любопытно, что восприемником при таинстве выступал высокопоставленный член государева двора боярин князь Яков Никитич Одоевский²¹.

Точная дата кончины Ивана Тяжкогорского нам неизвестна. В приказных документах последнее упоминание о нем датируется 30 июня 1704 г., когда он получил жалование на вторую половину года: 106 руб. 24 алт. 1 денг., включая половину годового оклада (полный — 93 руб.) и поденный корм за шесть месяцев (по 11 алт. на день)²². В начале же 1705 г. (не позднее 26 февраля) его имя уже отсутствует в окладной книге Посольского приказа²³. Вероятным временем смерти переводчика можно считать вторую половину 1704 г.

Служба в Посольском и Малороссийском приказах

В 1670-х годах Иван Тяжкогорский на длительное время отправляется из Москвы навыездные службы. В этот же период его имя исчезает из окладных и «выплатных» списков Посольского приказа²⁴ и появляется в делопроизводстве Малороссийского²⁵. Однако в связи с отсутствием полноценных исследований персонала последнего²⁶ и небольшим числом опубликованных источников нам удалось пока обнаружить лишь несколько таких упоминаний, относящихся к 1675–1678 г.²⁷

Возможно, что перевод в менее значительное по статусу учреждение связан с приходом в Посольский приказ Артамона Сергеевича Матвеева и слиянием под его руководством двух ведомств (объединение коснулось лишь высшего звена — судей и дьяков, делопроизводство же и остальной персонал сохранились в каждом из приказов без изменений). Не исключено, что служебный трансфер был обусловлен борьбой различных кланов в окружении царя Алексея Михайловича. Новый руководитель внешнеполитического ведомства, сохранявший свой пост до 3 июля 1676 г. (он был отставлен через некоторое время после смерти царя), относился к оппонентам своего предшественника, Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Благодаря же последнему Тяжкогорский не только попал в состав переводчиков Посольского приказа, но и получил беспрецедентно высокий новичный оклад (в 50 руб.), который через полтора года был удвоен. Привез же его в Россию двоюродный брат Афанасия — Богдан Иванович Ордин-Нащокин. К соперникам А. С. Матвеева за царскую милость принадлежал и крестный отец (восприемник) переводчика — Я. Н. Одоевский, являвшийся представителем одного из знатнейших боярских родов [Седов, с. 127].

Произошедшая в июле 1676 г. новая смена руководства Посольского приказа (вместо отправленного в ссылку А. С. Матвеева судьей стал думный дьяк Ларион Иванов) не привела

¹⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. № 2. Л. 114.

¹⁷ Подначалие — процедура обучения постулатам православной веры, осуществлявшаяся через прикрепление будущего неопита к какому-либо монастырю, церкви или уважаемому священнику.

¹⁸ Факт одновременного крещения вместе с мужем указывает на иностранное происхождение «Варварицы Ивановой дочери» и их совместный, вероятно, приезд в Россию. (Имя супруги Ивана Тяжкогорского лишь единожды встречается в документах: Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. № 2. Л. 1.)

¹⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. № 8. Л. 114–115.

²⁰ Там же. Л. 115; см. также: [Беляков, Гуськов, Шамин].

²¹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1668 г. № 22. Л. 110.

²² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1704 г. № 20. Л. 1 об.

²³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1705 г. № 1.

²⁴ 1670/1671 г. — РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 80–84; 1673/1674 г. — Там же. Л. 107–128; 1674/1675 г. — Там же. Л. 143–148; 1676/1677 г. — Там же. Л. 152–156 об.; 1678 г. — Там же. Л. 168.

²⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. № 6. Л. 172; Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 161; № 19. Л. 56.

²⁶ К сожалению, новейшее исследование Малороссийского приказа [Безъев] вызывает, скорее, сожаление из-за неполноты использованных источников и ошибок в описании фактов.

²⁷ См. примеч. 25.

к улучшению ситуации для И. Тяжкогорского. Новый глава внешнеполитического ведомства принадлежал к группировке боярина Б. С. Хитрово [Седов, с. 243], солидаризовавшейся в определенных обстоятельствах с князьями Одоевскими. Отсутствие дипломатической практики компенсировалось у думного дьяка незаурядным опытом приказной работы, позволявшим легко разобраться во внутренней «кухне» ведомства. Отстранение общего противника — А. С. Матвеева — вывело на повестку дня заботу кланов о собственной близости к трону. Поддержка чужих «клиентов» (в рамках системы патроно-клиентских отношений), к которым относился переводчик, не входила в планы Лариона Иванова.

Исключительное финансовое благополучие выходца «из цесарских земель», достигнутое в первые же годы после зачисления в Посольский приказ, а также покровительство А. Л. Ордина-Нащокина, возможно, вызывали некоторую зависть со стороны сослуживцев. Оклада в 100 руб., являвшегося на тот момент основным предельным размером должностного жалования для переводчиков (без учета «кормовых денег» и некоторых особых случаев), многие не могли добиться десятилетиями. Так, Иван Фомин, принятый на службу в 1589 г. (15 руб.), достиг своего «потолка» в 70 руб. лишь в 1621 г. [Лисейцев, с. 357–358]; оклад Ефима Мейснера с 1662 по 1674/1675 г. вырос с 65 до 80 руб. соответственно, а Андрея Винууса с марта 1664 по 1674/1675 г. — с 30 до 82 руб. [Беляков, с. 121–122]. Чуть больше — 120 руб. — к сентябрю 1667 г. получал Василий Боуш, начавший свою карьеру в июне 1654 г. с 30-рублевым жалованием²⁸. Оклад же многих специалистов письменного перевода вообще не поднимался выше 40–60 руб.

В 1678 г., лишенный покровительства со стороны «сильных мира сего», Тяжкогорский оказался беззащитен перед намерением нового главы Посольского приказа урезать его денежное содержание. К тому времени переводчик третий год почти непрерывно находился в полках Григория Григорьевича Ромодановского, ходивших в походы под Чигирин²⁹. Невозможность регулярной подачи челобитных, которые в связи со спецификой приказного делопроизводства требовались при любом получении денег, привела к задержкам с выплатой жалования. Кроме того, переход в юрисдикцию Малороссийского приказа исключал возможность участия в коллективных прошениях переводчиков дипломатического ведомства. В конце концов Тяжкогорский и его семья в Москве оказались без средств к существованию, так что он направил в приказ две челобитные с просьбой о выплате задолженности (возможно, через супругу или с какой-либо оказией³⁰).

Последовательность дальнейших событий удастся реконструировать по приказным документам. На прошения Тяжкогорского были наложены резолюции о рассмотрении дела в приказе и составлена выписка с кратким послужным списком и размером причитающихся денег. Неожиданно в столбце появляется запись и подклеивается челобитная другого переводчика, Степана Чижинского, в которой новый служащий приказа просит о поверстании ему «новичного» оклада³¹. После очередной выписки со справкой, какие выплаты назначались в таких случаях, 1 февраля 1678 г. выходит указ о зачислении в Посольский приказ нового переводчика с 20 руб. годового жалования и 2 алт. (6 коп.) ежедневных «кормовых» денег, выделяемых... из оклада Тяжкогорского³². 11 марта 1678 г. уменьшение его доходов было продолжено: на этот раз 4 коп. ежедневных «кормовых» передали отставному переводчику Ефиму Фентурову в качестве

---

²⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 35, 38, 60.

²⁹ Пока не обнаружено сведений о возвращении Тяжкогорского в Москву во время отвода войск на зимние квартиры в Курск и частичного их роспуска.

³⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 111, 112.

³¹ Там же. Л. 114–115. Получивший еще в августе 1677 г. задание о переводе «Книги о луне» с латинского языка («Селенография» Я. Гевелия [Морозов, с. 118]) Чижинский, однако, за следующие полгода не был обеспечен каким-либо финансовым вспомоществованием.

³² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 116–119.

своеобразной пенсии («вместо милостыни»). Всего же «того великого г(о)с(у)д(а)ря жалован(ь)я убавлено у него Ивана из оклада ево изо Р [100] рублей К [20] рублей, да ис поденного корму из полтины Г [3] алтына В [2] де(ньги) для того, что ему Ивану окладъ великъ, а дѣло за ним небольшое»³³. Наверное, Тяжкогорский сильно удивился: вместо выплаты задержанного оклада он неожиданно получил его сокращение, объясняемое недостаточной служебной нагрузкой! Еще через два года — новый удар: 28 января 1680 г. по помете Лариона Иванова без объяснения причин переводчику срезают еще 15 коп. поденного корма «до указу великого государя» (то есть бессрочно)³⁴. В итоге в 1678—1680 г. Тяжкогорский потерял одну пятую годового оклада и половину поденного корма.

Неудачей закончилась и попытка возвращения в активную политику прежнего покровителя переводчика — А. Л. Ордина-Нащокина. В 1679 г., после предварительных консультаций о русско-польско-турецких делах, старец Антоний (под именем которого Ордин-Нащокин постригся в монахи в Крыпецком монастыре близ Пскова) был привлечен к дипломатическим переговорам с польскими послами. Следует предположить, что не последнюю роль в этом сыграл клан бояр Одоевских, вопреки сложившемуся ранее мнению [Седов, с. 348—349]. Так, бывший «канцлер» после общения с дипломатами из Варшавы во время краткого приезда в Москву осенью 1679 г. дал подробнейший отчет (изложенный затем в виде записки) не только Лариону Иванову, но и Н. И. и Я. Н. Одоевским [Флоря, 2019, с. 82—83], последний из которых являлся, как мы помним, крестным отцом переводчика. Однако дальнейшие действия показали глубину расхождения идей прежнего фаворита и членов Боярской думы, так как вскоре он был отстранен от участия в переговорах и возвращен в монастырь. Не исключено, что новое появление имени Тяжкогорского в служебных списках Посольского приказа, фиксируемое не позднее мая 1679 г.³⁵, как-то связано с данными событиями. К сожалению, отсутствие письменных источников, с помощью которых мы могли бы увидеть скрытые механизмы внутриведомственных интриг, не позволяет проследить процесс принятия решений.

Последующие попытки И. Тяжкогорского вернуть урезанное жалование реализовывались с большим трудом. Несмотря на участие в дипломатических миссиях (регулярно поощряемое повышением оклада у других работников приказа) и в переводах документов, газет и книг, размер его оклада (как годового, так и «корма») некоторое время оставался неизменным. Лишь после гибели во время стрелецких волнений Лариона Иванова и прихода на его место «великих посольских дел оберегателя» Василия Васильевича Голицына дело сдвинулось с мертвой точки. В 1682 г., после очередной челобитной, в которой переводчик перечислил целых девять командировок 1671—1681 г., жалоба на необоснованное сокращение жалования («а мне, холопу вашему, убавлено... а вины своей в том не знаю»³⁶) наконец-то была удовлетворена. 1 сентября новый глава Посольского приказа санкционировал прибавку И. Тяжкогорскому 5 руб. к годовому окладу и 5 коп. к поденному корму «за приказную ево работу»³⁷. Следующее повышение, ставшее последним в его карьере, переводчик получил за участие в 1-м Крымском походе 1687 г. В начале 1688 г. его оклад достиг 93 руб. (прибавка — 8 руб.), а поденный корм — 11 алт. в день (прибавка — 1 алт.)³⁸. Возможно, что причина «потепления» отношения к Тяжкогорскому заключалась в позиции самого В. В. Голицына, который, как известно, благоволил к иностранцам, в том числе и находившимся на русской службе. В дальнейшем оклад переводчика оставался неизменным до самой смерти в 1704 г.

³³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. № 2. Л. 19.

³⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. № 20. Л. 401.

³⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 102.

³⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. № 20. Л. 404.

³⁷ Там же. Л. 397, 396.

³⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. № 16. Л. 12.

За годы службы Тяжкогорский участвовал во многих командировках, преследовавших как дипломатические, так и военные и гражданские цели³⁹. В первую поездку переводчик отправился в 1671 г. в составе посольства думного дворянина Ивана Ивановича Чаадаева и дьяка Михаила Посникова в Речь Посполитую. Миссия, предварявшая одно из посольств по переговорам о вечном мире, в июле 1671 г. обсудила в Варшаве проблемы совместной борьбы против Османской империи и ситуацию с гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко, зондировавшим почву для перехода в российское подданство⁴⁰. Затем Тяжкогорский находился «на Олонце» с Б. И. Ординым-Нащокиным⁴¹, служившим там на воеводстве в 1672–1677 г.⁴² Установить цели пребывания здесь и даже примерные даты пока не удалось. Возможно, что служба была связана с сопровождением иностранных рудознатцев, искавших на Олонце в 1675 г. полезные ископаемые [Юркин, с. 125].

Последующие миссии представляли определенную опасность для мирной профессии переводчика, так как они были связаны с пребыванием на территории Малороссии, ставшей театром боевых действий в ходе Русско-турецкой войны 1672–1681 г. Первоначально Тяжкогорский находился с думным дворянином Иваном Ивановичем Ржевским «под Каневым»⁴³; затем трижды он был прикомандирован к полкам князя Г. Г. Ромодановского, участвовавшим в походах под Чигирин (1676–1678 г.)⁴⁴. Завершилась «военная эпопея» в 1679 г. в Киеве в полку князя Михаила Алегукевича Черкасского, уже в статусе сотрудника Посольского приказа⁴⁵.

В первой половине 1680-х годов Тяжкогорского, возвратившегося в сферу обеспечения дипломатической службы, направляют в Речь Посполитую для переговоров («для переводов»). В апреле – июне 1680 и феврале – июне 1681 г. он дважды ездил в Варшаву⁴⁶, а в декабре 1683 – марте 1684 г. участвовал в «польском посольском съезде» в Андрусово, где русскую делегацию возглавлял князь Я. Н. Одоевский⁴⁷.

Последняя известная командировка вновь была связана с боевыми действиями русских армий. В 1687 г. переводчик сопровождает войско В. В. Голицына, предпринявшее поход на Крым: «был я на службе великих государей в первом крымском походе»⁴⁸. О дальнейших поездках нам ничего не известно. Прекращение командировок, возможно, было связано как с возрастом нашего героя, которому было уже за 50 лет, так и с интенсификацией работы по переводу европейской периодики и литературы.

Знание языков

По известным на настоящий момент сведениям, Тяжкогорский являлся одним из самых крупных полиглотов Посольского приказа – а возможно, и всего Российского государства. В приказной документации зафиксировано формальное знание шести иностранных языков (которые тут приводятся в алфавитном порядке): белорусского, венгерского, латинского,

³⁹ Подробный анализ служебных поездок переводчика остается задачей будущих исследований; в настоящей статье мы ограничимся лишь кратким перечислением состоявшихся миссий.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. № 2. Л. 1; Ф. 79. Оп. 1. Кн. 138, 139.

⁴¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. № 2. Л. 1; 1682 г. № 20. Л. 404.

⁴² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: [В 12-ти т.]. СПб., 1857. Т. 6. С. 219–220.

⁴³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. № 20. Л. 404.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. № 2. Л. 1; Оп. 2. № 12. Л. 161.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 102.

⁴⁶ Первая поездка – в составе посольства окольного Ивана Афанасьевича Прончищева и дьяка Емельяна Украинцева (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. № 2. Л. 1), вторая – думного дворянина Ивана Афанасьевича Желябужского и дьяка Семена Протопопова (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1684 г. № 6. Л. 1).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. № 5. Л. 5; подробное описание переговоров и участие в них переводчика см.: [Кочегаров, с. 182–198].

⁴⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. № 16. Л. 12.

польского, французского и «цесарского» (немецкого). Со всех этих языков он мог переводить на русский («словенский»); вероятно, он знал еще и греческий и обладал хотя бы пассивными знаниями итальянского. Уловить закономерность в порядке языков, указанных в приказных записях, так и не удалось. Полный «комплект» из шести языков встречается достаточно редко: «...для переводу латинского, цесарского, польского, французского, венгерского, белорусского языков писем»⁴⁹, «французского, венгерского, цесарского, латинского, полского, белорусского»⁵⁰, «цесарского, французского, полского, латинского, венгерского, белорусского»⁵¹. Также имеются варианты с пятью («французского, венгерского, полского, белорусского и латинского»⁵², «цесарского, французского, полского, латинского, венгерского языков»⁵³, «цесарского и польского, и латынского, и венгерского, и французского»⁵⁴), четырьмя («французского и венгерского, цесарского и латинского»⁵⁵) и даже с тремя языками (польский, латинский и белорусский⁵⁶; немецкий, латинский и французский⁵⁷).

Правда, если посмотреть внимательно на действительно впечатляющий список «иностранных» языков Тяжкогорского, то в ряде случаев возникают определенные проблемы. Например: что имелось в виду под термином «белорусский язык» в период, когда национального белорусского языка еще не было? На восточнославянской территории в XVII в. существовало два дистинктивных письменных языка на народной основе: с одной стороны, русский, а с другой — общий письменный язык всех восточных славян, проживавших на территории Речи Посполитой еще до формирования национальных письменных языков (украинского и белорусского). Для последнего существует много разных названий: проста(я) мова, староукраинский, старобелорусский, юго-западнорусский (причем последние три названия употребляются главным образом в зависимости от современного лингвистического состояния и национальной принадлежности самого исследователя). В западноевропейской лингвистике уже давно в ходу (помимо других) более нейтральное — и поэтому, как представляется, также и более приемлемое — название «Ruthenian/ruthenisch / (la langue) ruthène», и изредка термин «рутенский/рутэнский» встречается и в восточнославянских работах. Представляется, что именно этот язык имелся в виду, когда в Посольском приказе упоминался «белорусский» как одна из специальностей у ряда переводчиков (например, у Тяжкогорского). Тексты на этом языке в Москве часто понимали даже без перевода, но в них могли быть непонятные полонизмы и латинизмы, поэтому официальные документы (грамоты, договоры и т. д.), как правило, переводили на русский язык. Вероятно, Тяжкогорский выучил этот язык — вместе с русским — во время своего многолетнего пребывания в Минске. Из того обстоятельства, что в его переводах политических и научных текстов сравнительно часто встречаются слова типа «аще, зане» и другие, нехарактерные для языка Посольского приказа, можно сделать вывод, что он, скорее всего, изучал русский язык по религиозной литературе.

Насколько хорошо Тяжкогорский владел латинским и французским языками, до конца еще не ясно, так как почти не существует исследований, сравнивающих его переводы с использованными им иностранными оригиналами. Первый шаг в эту сторону был сделан в маленькой статье, где было проанализировано короткое французское четверостишие, переведенное, по всей вероятности, И. Тяжкогорским (так как другого специалиста по французскому языку

⁴⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. № 2. Л. 1.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. № 1. Л. 4.

⁵¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. № 31. Л. 2.

⁵² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. № 33. Л. 2, 7.

⁵³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. № 31. Л. 14.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 4.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. № 2. Л. 16.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 102.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. № 1. Л. 2.

в то время в Посольском приказе не было) [Майер, Русаковский, с. 73–74]. Авторы пришли к предварительному выводу, что его знания этого языка не были глубокими. Так, например, переводчик не понял фразеологизма «en l'Auril deson aage» (в современном нормализованном написании: «en l'avril de son âge» — ‘на заре своей жизни’, то есть ‘в своей юности’) и написал бессмысленную фразу. В то же время это четверостишие является слишком коротким текстом, чтобы на его основе поставить окончательную оценку Тяжкогорскому по знанию французского языка, тем более что мы не можем утверждать с абсолютной уверенностью, что переводчиком был именно Тяжкогорский (черновик перевода пока не обнаружен).

Имеется, однако, как минимум одна целая книга, несомненно, переведенная Тяжкогорским с французского языка, а именно книга «о триугольномерии и о землемерии», законченная им 18 августа 1688 г. [Кудрявцев, с. 215]⁵⁸. (Подробности о французском оригинале см. ниже, в разделе «Переводы газет и книг».) Сравнив несколько страниц чернового перевода с французским оригиналом, мы пришли к выводу, что переводчик хорошо понимал французский текст и сумел его перевести на понятный русский язык — по крайней мере, в таких разделах, как «Введение к читателю», где мало или почти нет математических терминов.

Установить, насколько хорошо Тяжкогорский владел латинским языком, еще труднее. При подготовке статьи для сборника о переводчиках И. Майер и О. Русаковским был проведен анализ перевода с латинского на русский стихотворения-эпиграммы⁵⁹, написанной элегическими дистихами в честь юного монарха Людовика XIII («In laudem Lvdovici XIII») и напечатанной в составе разных вводных текстов в книге Антуана де Плювинеля о верховой езде [Майер, Русаковский]. (Анализируемый перевод был сделан в 1670 г.) Исследователи пришли к выводу, что перевод был выполнен довольно хорошо, хотя и не без ошибок. Но пока не удается окончательно доказать, что переводчиком эпиграммы был именно Тяжкогорский. Гипотеза о том, что перевод латинского стихотворения, скорее всего, принадлежит ему же, основана на предположении, что руководители Посольского приказа именно ему поручили перевод всей книги, так как она в оригинале была напечатана на французском языке; кроме того, он также знал все другие языки, которые могли тут понадобиться, — немецкий и латынь. Перевод, правда, был сделан с двуязычного французско-немецкого издания, и основной текст на самом деле был переведен не с французского, а с немецкого языка [Майер, Русаковский, с. 71–73].

В целях оценки компетентности Тяжкогорского в знании латинского языка мы также не можем привлечь переводы из латинских газет 1670 и 1672 г.⁶⁰, так как они анонимные; очевидно, их переводил либо Тяжкогорский, либо Гросс, либо оба вместе, либо кто-то из «польских» переводчиков. Эти переводы из печатной латинской газеты «Ordinariae Relationes» (публиковавшейся в Кёльне) содержат большое количество недоразумений, и переводчик — кто бы им ни был — сильно сокращал газетные сообщения, возможно, потому, что их содержание не было вполне понятным. В любом случае, переводить их было исключительно трудно для любого переводчика, и делать выводы о знании латыни на основе этих переводов представляется не совсем справедливым, так как тут нужны были также хорошие знания географии, политики и т. д. Чтобы дать более квалифицированный ответ на вопрос о качестве переводов Тяжкогорского с латинского языка, следует проанализировать, например, его часть перевода книги Иова Лудольфа

---

⁵⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 801. Л. 1.

⁵⁹ Сам анализ планируется опубликовать в отдельной статье.

⁶⁰ Переводы и латинские источники опубликованы: Вести-Куранты: 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. М., 2009. Т. VI. Ч. 1: Русские тексты. С. 533–534; Вести-Куранты: 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. М., 2008. Т. VI. Ч. 2. С. 635–641; Вести-Куранты: 1671–1672 гг. М., 2017. Т. VII. С. 247, 597–600. Там же имеются также комментарии И. Майер о качестве анонимных переводов с латинского.

об Эфиопии, законченного в 1685 г.⁶¹, в сопоставлении с латинским оригиналом книги, «*Jobi Ludolfi alias Leut-holf dicti Historia Aethiopica...*», изданной во Франкфурте-на-Майне в 1681 г. печатником Б. Х. Вустом (*Balthasar Christoph Wust <der Ältere>*)⁶². Другая возможность — это изучить первый (неопубликованный) перевод дневника имперского посольства под руководством посланника Христофора Игнатия Гвариента, находившегося в Москве в 1698–1699 г.⁶³ Никто из современных ученых не предпринимал эту задачу, но Фридрих Дукмейер в своей диссертации более чем столетней давности отзывался очень критически по поводу первого перевода дневника Корба на русский язык, приводя кусок из перевода латинского текста, полный недоразумений [Dukmeyer, s. 11 (запись за 20–22 августа 1698 г.)]. Однако данный пассаж относится к работе не Тяжкогорского, а — как ни странно — Николая Спафария⁶⁴! Впрочем, можно считать иронией судьбы факт, что на долю Тяжкогорского, служившего переводчиком во время аудиенций этого посольства [Буланин, Романова, с. 53], через некоторое время выпала задача перевести дневник секретаря того же самого посольства, хотя бы частично.

В списке иностранных языков Тяжкогорского фигурирует также польский. Однако определить его уровень владения этим языком мы не можем, поскольку до сих пор не обнаружен ни один перевод, сделанный им с польского, который можно было бы сопоставить с оригиналом (см. подробнее в следующем разделе). Поэтому вопрос о том, насколько Тяжкогорский знал польский, остается исследовательской задачей на будущее — если удастся обнаружить, по крайней мере, один его перевод с польского. Конечно, убедившись в том, как хорошо он понимал немецкий, латинский и французский, мы считаем вероятным, что он и польским владел на том же уровне. Кроме того, в пользу гипотезы о хорошем владении им польским языком свидетельствуют несколько поездок в качестве официального переводчика в составе посольств в Варшаву и на пограничные съезды с польскими делегациями (см. выше).

Не исключено, что Тяжкогорский мог понимать еще и греческий, хотя этот язык в приказной документации не упоминается. В частности, при осуществлении перевода «элогиума» в честь прибытия Великого посольства и Петра I в Митаву им была использована греческая версия приветственного слова [Кузнецова, Ченцова, Шамин, с. 114–115]. Язык Гомера он мог изучать в школе, если допустить посещение им одной из немецких «школ латинского языка» (*Lateinschulen*) в немецкоговорящей части Венгрии, в программы которых в обязательном порядке входили классические языки. Конечно же, нельзя исключать и обращения И. Тяжкогорского за помощью к другому знатоку языка, тем более что в Посольском приказе всегда работало одновременно 3–4 переводчика с греческого. Однако так уж ли нужна была помощь стороннего специалиста для перевода нескольких строчек текста (греческий фрагмент «элогиума» включает

⁶¹ В этой работе участвовали также С. Лаврецкий и Л. Гросс (см.: [Морозов, с. 122]). Черновики перевода Тяжкогорского хранятся в РГАДА (Ф. 181. № 259а. Л. 1–13).

⁶² Б. Н. Морозов сомневается насчет года издания латинской книги [Морозов, с. 121, примеч.], но только это издание (www.vd17.de — № 23:230532N) на титульной странице содержит оглавление, отраженное также в русском переводе (см. транскрипцию титульной страницы в книге [Соболевский, с. 96]: «Типографа Блатазара Христофора Вустия, року 1683»). Издания 1683 г. мы не смогли найти ни в электронном каталоге немецкой печати XVII в., ни на Worldcat.org; везде указано только процитированное выше издание 1681 г. Таким образом, пока не подтверждена гипотеза Б. Н. Морозова о «специальном издании» 1683 г. Беловик перевода хранится в РНБ (F.IV.105); в РГАДА отложились черновики (неполный текст), в том числе рукой Тяжкогорского (Ф. 181. № 259а. Л. 1–13 [Морозов, с. 122]).

⁶³ Дневник «*Diarium itineris in Moscoviam perillustris ac magnifici domini Ignatii Christophori nobilis domini de Guarient, & Rall... Descriptum a Joanne Georgio Korb, p.t. Secretario Ablegationis Caesareae. Viennae Austriae [1700]*» (см.: www.vd17.de — № 23:317927N) был сочинен секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом. Первый русский перевод датируется 1701–1702 г. Подносная рукопись хранится в РНБ (F.IV.321); часть перевода, приписываемая Тяжкогорскому, — л. 78–155 об. (Авторы благодарны Олегу Русаковскому за описание рукописи.) Фрагмент черновика перевода находится в РГАДА (Ф. 32. Оп. 1. 1698 г. № 21).

⁶⁴ Фамилия Н. Спафария упоминается на первом листе рукописи, где находится перевод титульной страницы; на л. 78 имеется помета о начале работы Тяжкогорского.

51 слово в девяти строках [Кузнецова, Ченцова, Шамин, с. 121]⁶⁵) с языка, знакомого ему с детства?

С достаточной степенью уверенности можно полагать, что Тяжкогорский понимал еще один европейский язык. В мае 1682 г. в Посольском приказе появился бывший полоняник Иван Наумов⁶⁶. Он просил зачислить его на службу толмачом (то есть переводчиком устной речи), так как в ходе более чем двадцатилетних скитаний сумел освоить несколько языков, в числе которых были турецкий, арабский, итальянский и греческий. И. Тяжкогорский участвовал в назначенном освидетельствовании как знаток итальянского языка⁶⁷.

До сих пор мы практически ничего не писали об уровне владения Тяжкогорского *русским* языком. Тут мы можем лишь вкратце сказать, что грамматических ошибок у него почти нет, зато в его черновиках довольно часто встречаются фонетические (или орфографические) странности, выдающие его как иностранца (типа «два драгуни», «проиты», «версти», «татары», «которые», «первие», «мѣрамы», «ратные люди», «пехоти», «пропроважени», «з утра»⁶⁸) или даже как носителя южнонемецкого диалекта («восможно», «росогнаны», «исготовлен»).

Переводы газет и книг

В переводах иностранных газет (курантах) Иван Тяжкогорский впервые эксплицитно упомянут как переводчик конкретного текста в 1669 г. Перевод небольшого сообщения о событиях в Польше датирован 6 мая 1669 г., и внизу на листе имеется помета: «преводил Иван Тешкогорский»⁶⁹. Имена переводчиков в курантах указывали крайне редко⁷⁰; скорее всего, это был не первый случай, и Тяжкогорский переводил немецкие газеты также и раньше, с самого момента своего поступления в приказ. В следующий раз мы встречаем подобную помету под переводами из газет, полученных в Посольском приказе 29 ноября 1671 г.⁷¹

Что касается рукописных книг, то давно известно участие Тяжкогорского в переводе «Книги огнестрельного художества» Жозефа Буало [Кудрявцев, с. 214]⁷² (Joseph Boillot, из города Лангр/Langres; годы жизни: 1546–1605⁷³). Данное здесь название, по-видимому, взято из позднейшей архивной записи⁷⁴, в то время как на титульном листе русского перевода указано другое название — «Художества огненные и разные воинския орудия, ко всяким городовым приступам и ко обороне приличныя» [Кудрявцев, с. 214]. Оно довольно точно соответствует

⁶⁵ Там же. С. 121.

⁶⁶ Иван Наумов оказался в плену в далеком 1660 г. в результате катастрофического поражения под Чудновым войска В. Б. Шереметьева. Проданный крымскими татарами в рабство на галеры («на каторгу») к Исуцу-паше, он только через 22 года был освобожден в результате разгрома турецкого флота флорентийским князем «Грандукой». Вернувшись через «цесарские» и польские земли в Россию, Наумов решил поступить на службу в Посольский приказ (см.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. № 15).

⁶⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. № 15. Л. 4.

⁶⁸ Все примеры взяты из чернового перевода об актуальных политических событиях 1700 г. (РГАДА. Ф. 181. № 256. Л. 136–137).

⁶⁹ См.: Вести-Куранты: 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. С. 354, примеч. к л. 2. Немецкий оригинал не выявлен; впрочем, не исключено, что это сообщение было переведено из рукописной газеты, а не из печатной, особенно если этот лист первоначально не относился к этой сводке, что представляется вполне вероятным (см.: Там же. С. 30).

⁷⁰ В период правления царя Алексея Михайловича это были единичные случаи (см.: [Шамин, 2011, с. 91–92]).

⁷¹ Русские тексты опубликованы в книге: Вести-Куранты: 1671–1672 гг. С. 222–224. Оригиналы ко всем шести переведенным газетным сообщениям (напечатанным в берлинских и гамбургском выпусках) выявлены И. Майер, так что их легко можно сопоставить с переводами (Там же. С. 463–469).

⁷² Интересно, что тут недвусмысленно сказано, что перевод был сделан с *немецкого* языка, в то время как на титульной странице русского перевода были указаны и французский, и немецкий. Подробного сличения текстов на французском, немецком и русском языках еще не проведено.

⁷³ На титульном листе перевода автором значится «Иосиф Бойлот Лангрини». Вероятно, русский переводчик не понял, что «Langrini» на титуле обозначает, что автор родом из города Лангр/Langres в восточной Франции; ср. цитату в [Кудрявцев, с. 214]. Это недоразумение также отражено в СККДР [Буланин, Романова, с. 52].

⁷⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 801. Л. 4.

заглавию Страсбургского издания 1603 г.: «Artifices Defeu, & diuers Instruments de guerre. Das ist/ Künstlich Feuerwerck und Kriegs Instrumenta/ allerhandt vöste Orth zu defendirn und expugnirn»⁷⁵. В этом издании главный текст книги напечатан в двух столбцах: слева — немецкий перевод Иоганна Бранца (Johannes Brantz), а справа — оригинальный французский текст, впервые опубликованный в 1598 г. В русской рукописи мы читаем, что перевод был сделан «с французского и с немецкого языка на руской язык 7193 году» (то есть в 1685/1686 г.), однако уже перевод заглавия книги говорит о том, что в основе перевода лежал *немецкий* текст издания 1603 г., а не французский⁷⁶. Так, второй части названия — «ко всяким городовым приступам и ко обороне приличныя» — во французской версии соответствия нет, а в немецкой оно есть: «... allerhandt vöste Orth zu defendirn und expugnirn» («...защитить и завоевать всякие города»). О том, что русский перевод был сделан с немецкого текста, свидетельствуют также имена других переводчиков Посольского приказа — специалистов по немецкому языку Л. Гросса, Ю. Гивнера и Т. Мейснера, — которые выполнили перевод вместе с Тяжкогорским [Кудрявцев, с. 214]⁷⁷.

В связи с этим Б. Н. Морозов также упоминает книгу Йозефа Фуртенбаха (Joseph Furtenbach) «Пушкарской хитрости школа...» [Морозов, с. 118]. В русском переводе указаны город и год немецкого издания: Аугсбург, 1643 г. Издание печатника Иоганна Шултеса (Johann Schultes) носит название «Büchsenmeisterey-Schul/ Darinnen die New angehende Büchsenmeister und Feuerwercker... getrewlich und auffrichtig/ underwisen/ und gelehrt werden»⁷⁸. Обратим внимание на обстоятельство, что все упоминавшиеся выше книги по артиллерии были переведены непосредственно с немецкого языка (см. ниже об одном переводе с французского).

Согласно Б. Н. Морозову, Тяжкогорский также был вероятным переводчиком «Истории европейских государств и княжеств» [Морозов, с. 122]. Оригинал, несомненно, является книга «Der Europäischen Reiche Und Fürstenthümer Historische und Genealogische Erläuterung In Stamm-Tafeln verfasset/ und ans Liecht gegeben», сочиненная Георгом Ломейером (Georg Lohmeier) и напечатанная в Люнебурге в 1695 г., уже после смерти автора⁷⁹. В списке Морозова это название имеет № 22, и авторство Тяжкогорского квалифицировано вопросительным знаком. Мы не смогли подтвердить его участие в этом переводе (хотя и не отрицаем эту возможность).

До сих пор речь шла о переводах с немецкого языка. А что мы знаем о сочинениях, переведенных Тяжкогорским с других языков? Как уже было упомянуто выше, им была переведена книга о тригонометрии французского математика Якоба Озанама (Jacques/Jacobus Ozanam) с французского языка (перевод был закончен 18 августа 1688 г. [Кудрявцев, с. 215]). На основе идентификации почерка Тяжкогорского Б. Н. Морозовым и его же указания на черновые листы, сохранившиеся в РГАДА⁸⁰, мы смогли сопоставить их с французской книгой. Русский перевод явно был сделан со второго — парижского — издания книги Озанама, как явствует из дословного перевода всех выходных данных, с точными сведениями о годе, издателях и даже о разрешении к печати. Сопоставим титульную страницу в переводе Тяжкогорского с французским оригиналом:

⁷⁵ Немецкое издание 1603 г. целиком доступно в Интернете: www.vd17.de — № 3:312613N.

⁷⁶ Возможно, имеется в виду «с французского и немецкого издания»; в таком случае все правильно сказано.

⁷⁷ См. также: РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 747. Л. 4; № 801. Л. 4.

⁷⁸ Издание доступно в Интернете: www.vd17.de — № 23:230397Z.

⁷⁹ См.: www.vd17.de — № 35:715481D.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 181. № 259. Л. 24–31; № 256. Л. 179–187 и 299–304. См.: [Морозов, с. 112, 117].

<p>Счислительные чертежи середины пречерчения дотикател(ь)нихъ отрезательныхъ чисель, и словочислитель(ь)нихъ средины пречерчение и дотикательныхъ в соединении до 10000.</p> <p>Со особнимъ дѣломъ о триуголномерии. Чресъ новие обявления и творения лехкия, такъ для сочислени[е] складно[е]⁸¹ какъ и для считанія триугольниковъ.</p> <p>У создателя на улицы Сень рѣки, у дву ангелов Фобуръ Сенджерминъ. И у Стефана Михаллета, на улицы С[вя]того Иякова и образа С[вя]т[о]го Павла блиско кладиза Стой С[вя]т[о]й Северини.</p> <p>Въ #АХПЕ [1685] году по указе королевско[му] [так в ркп.]</p>	<p>Tables des sinus tangentes et sécantes: et des logarithmes des sinus et des tangentes; & des nombres depuis l'unité jusques à 10000.</p> <p>Avec un traité de trigonométrie par de nouvelles demonstrations & des Pratiques tres faciles, tant pour la construction des Tables, que pour la supputation des Triangles. Par M. Ozanam, Professeur en Mathematiques. A Paris, Chez l'Auteur, ruë de Seine, aux deux Anges, Fauxbourg S. Germain. Et Estienne Michallet, ruë S. Jacques, à l'Image S. Paul, près la Fontaine S. Severin. M. DC. LXXXV [1685]. Avec privilege du Roy.</p>
---	--

Единственная важная информация, которая почему-то была пропущена, касается автора книги: «Par M. Ozanam, Professeur en Mathematique»; все остальное переведено довольно точно. При этом мы не беремся оценивать перевод математических терминов Тяжкогорским: «sinus», «tangentes», «sécantes», «logarithmes» и др. Представляется, что вопрос о том, справился ли переводчик с созданием новой, еще не существовавшей на русском языке математической терминологии, нуждается в отдельном исследовании. Кроме того, нам очень сложно судить, могли ли русский читатель конца XVII в. на основе этого перевода выучить элементы тригонометрии. Конечно, перед переводчиком стояла огромная задача — перевести сложную математическую книгу с одного иностранного языка на другой, тем более что переводчик заодно с переводом должен был создать нужную терминологию⁸².

Тяжкогорскому также приписывается перевод с французского книги П. С. де Сент-Реми (Pierre Surirey de Saint-Remy): «Mémoires d'artillerie, recueillis par le Sr Surirey de Saint-Remy, commissaire provincial de l'artillerie...» (Paris: Jean Anisson, 1697). К сожалению, до нас дошли только фрагменты: либо переведена была только выдержка из этой книги, либо перевод сохранился лишь частично [Морозов, с. 119]⁸³.

Что касается возможных переводов Тяжкогорского с польского языка, то в работе Б. Н. Морозова упоминаются два таких. В первом случае речь идет о законченной в 1691 г. и роскошно оформленной рукописи «Книга о мельничном строении», в историографии также названной «Водяное дело»⁸⁴ (на основе маргинальной пометы на черновике⁸⁵). По-видимому, русский перевод восходит к книге о строении мельниц, содержащей также текст «Мельничного чина» — юридического документа, регулирующего порядок на мельницах. Этот порядок отличался от региона к региону, и регламентирующие документы выходили на немецком языке постоянно (под названием «Mühlenordnung») как в виде отдельных брошюр, так и в составе книг о строении мельниц. Аргументы в пользу польского оригинала Б. Н. Морозовым не приводятся; возможно, ученый так решил, потому что в тексте упоминается «Августус, арцух Саксонский, св[я]того Римского г[о]сударства арцимаршалекъ и курфирсть», в 1697 г. избранный польским

⁸¹ Буквы «е», поставленные нами в квадратные скобки, являются результатом правки, возможно, из «сочисления складно(о)». С грамматической точки зрения «правка» неудачная.

⁸² Примечательно, что в другом случае, когда речь шла о книге по праву, переводчики приказа (Н. Спафарий, С. Лаврецкий «с товарищи») отказались осуществлять перевод и «смотря реестру, сказали, что той книги не учась юрис пруденции, переводить некоторыми делы невозможно, для того, что термины и речи к юрис пруденции належашие особые» (не позднее 13 июля 1704 г.; цит. по: [Токмаков, с. 77]).

⁸³ Отрывки отложились в РГАДА. Ф. 181. № 256. Л. 1–4, 18–24. Подробного сопоставления с французским оригиналом еще нет.

⁸⁴ См.: [Морозов, с. 115]: «польское сочинение по гидротехнике»; [Морозов, с. 121] (тут «перевод с польского» поставлен под вопрос).

⁸⁵ РГАДА. Ф. 181. № 259. Л. 148–155, 474–481.

королем. Но Август (Сильный) так и остался курфюрстом Саксонским и издал множество постановлений в Саксонии. Нам представляется, что только в переводе с немецкого оригинала переводчик мог бы по-русски назвать реку Плайсе (нем. Pleiße, или Pleißenstrom) — «Плейсен стромъ». Ср. следующий фрагмент из одного и того же «мельничного чина»:

<p>...чинъ мелничнии, какъ то прежде многих лѣтъ въ Курфирстерской Саксонской землѣ в мельницахъ, на Сале, Липпене, Элстере и Плейсен стромъ рѣкахъ обрѣтающихся, употреблено бысть⁸⁶</p>	<p>... MühlOrdnung/ Wie dieselbe im Chur vnd Fürstenthumb Sachssen/ in den Mühlen an der Sahla/ Lüpen/ Elster und Pleissenstrom gelegen/ gehalten wird⁸⁷</p>
--	---

Несомненно, этот документ был опубликован во многих изданиях, и мы не утверждаем, что в Посольском приказе была использована именно та книга, из которой взята наша цитата. Однако у нас нет никаких сомнений насчет того, что перевод был сделан с немецкого оригинала.

Вторым переводом Тяжкогорского, якобы сделанным с польского языка, Б. Н. Морозов называет «Донесение о военных действиях польских войск против шведов на реке Двине (осада Риги?)» (осуществлен в 1700—1701 г.) [Морозов, с. 124]⁸⁸. Русский фрагмент на двух листах без начала описывает военные столкновения польских войск со шведами на берегу реки Двины в виде дневника событий 26—30 июля 1700 г.⁸⁹ Б. Н. Морозов без доли сомнения — но и не приводя аргументов — считает, что это «перевод с польского И. Тяжкогорского». К этой мысли ученого, вероятнее всего, привел факт, что автор текста явно стоит на стороне поляков — шведов он называет «неприятелем». Но это очень хорошо сочетается с немецким оригиналом, так как события 1700 г. описаны с точки зрения саксонского курфюрста (и в то же время польского короля). На самом деле в переводе нет абсолютно ничего, из чего можно было бы сделать вывод, что налицо польский оригинал; наоборот, есть ряд аргументов в пользу немецкого оригинала. Так, например, топонимы в переводе, скорее, звучат «по-немецки»: встречающаяся три раза в русском фрагменте деревня «Тумсдорф» в анонимной немецкой брошюре, напечатанной в 1700 г.⁹⁰, называется «Thomasdorff» (нем. Dorf ‘деревня’; соврем. латышское название — Tome); немецкому топониму «Kockenhausen» в переводе соответствует «Кокенгауз» (польск. XVII в. — Kokenhuza, женский род). Впрочем, немецкая брошюра в таких же дневниковых записях освещает точно те же события, случившиеся в те же дни⁹¹.

Согласно А. И. Соболевскому и М. И. Кудрявцеву, в 1692 г. Тяжкогорский перевел календарь Г. Фохта на текущий год [Соболевский, с. 136; Кудрявцев, с. 220]. Возникшее у авторов статьи в СККДР отождествление с переводчиком аналогичных календарей на 1676, 1693 и 1694 г. Иваном Якимовым следует полагать ошибочным [Буланин, Романова, с. 53]. Во-первых, переводами календарей Фохта занималось еще несколько человек, среди них — Юрий Гивнер и Петр Шафиров [Кудрявцев, с. 220]⁹². Во-вторых, в документах Посольского приказа имя Ивана Якимова в связи со службой в ведомстве ни разу не встречается. В-третьих,

⁸⁶ Из предисловия к читателю (Л. 474 об.).

⁸⁷ Наша цитата взята из книги, напечатанной в Лейпциге в 1612 г.: «Theatri Machinarum... Theill 3: Darinnen vielerley künstliche Mühlwerck/ ... Sambt der Mühlordnung/ wie dieselbe in Chur vnd Fürstenthumb Sachssen/ in den Mühlen/ an der Sahla/ Lüpen/ Elster und Pleissenstrom gelegen/ gehalten wird»; ср.: www.vd17de — № 23:289664D (сам «Мельничный чин», «Mühlordnung...», начинается на с. 75).

⁸⁸ Черновик Тяжкогорского находится в РГАДА — Ф. 181. № 256. Л. 136—137.

⁸⁹ В архивном деле порядок листов перепутан; правильно: 137, 137 об., 136, 136 об., причем на л. 137 находится конец рассказа о событиях 26 июля 1700 г. и событиях за 27—28 июля, а л. 136 продолжает рассказывать о боях 28 июля и доходит до 30 июля.

⁹⁰ «Relation, Was seither Ihrer Königl. Maj. von Pohlen [et]c. Ab-Reyse aus Warschau passiret ist» (s.l., 1700; см.: www.vd17.de — № 3:627646M).

⁹¹ В немецкой брошюре описаны события от 3 июля до 31 августа 1700 г. (местами немецкая и русская версии совпадают почти дословно).

⁹² Там же Иван Якимов указан как самостоятельный переводчик календарей.

в источниках и исследованиях обнаруживаются многочисленные упоминания Ивана Якимова — как стряпчего нидерландской торговой компании в России⁹³. В итоге получается, что ничто, кроме имени Иван, не отождествляет Якимова с нашим героем.

Выводы

В данной статье нам удалось в значительной мере осветить жизнь и деятельность Ивана Тяжкогорского: мы установили ряд интересных фактов о его биографии, выдвинули некоторые гипотезы. Однако много серьезной работы еще впереди, в частности, выявление и изучение всех дипломатических и иных командировок, а также дальнейшее исследование его переводов.

Судьба выходца из «цесарских земель» Ивана Михайлова сына Тяжкогорского (Иоганна Шверенберга) сложилась в России в целом благополучно. С одной стороны, огромные перспективы, открывавшиеся перед переводчиком в первые годы его службы в приказе, так и не были реализованы: А. Л. Ордин-Нащокин, принявший его на работу и установивший беспрецедентно высокий оклад — еще увеличенный после перехода в православную веру, был снят с поста руководителя Посольского приказа. Кроме того, дальнейшие многочисленные командировки, в том числе в районы боевых действий, и крупное сокращение жалования ухудшили положение переводчика. С другой стороны, его новый годовой оклад остался по-прежнему одним из самых высоких в ведомстве. А с 1682 г., при В. В. Голицыне, жалование вновь стало увеличиваться, достигнув в 1687 г. максимума — 213 руб. 15 алт. в год, включая кормовые выплаты. Эта сумма сохранилась до смерти переводчика в 1704 г., в возрасте 65—70 лет.

Уникальные способности Ивана Тяжкогорского, понимавшего восемь языков, по шести из которых он числился переводчиком Посольского приказа, удалось подтвердить лишь частично. Не подлежат сомнению его способности переводить тексты с немецкого, французского, латинского и польского языков (хотя с польского нам пока не удалось обнаружить ни одного точно верифицируемого перевода). О каких-либо его переводах с «белорусского» и венгерского нет упоминаний ни в научной литературе, ни в документах (на венгерском, скорее всего, они и не существовали). Знание еще двух языков, греческого и итальянского, устанавливается лишь предположительно: в обоих случаях имеется по одному факту, не подтверждаемому никакими иными источниками.

Особое внимание в нашей работе уделено письменным переводам с немецкого, французского и латинского языков, выполненным И. Тяжкогорским. Во всех этих случаях мы сравнивали его черновики с использованными им печатными изданиями. С немецкими текстами Тяжкогорский справился лучше всего, в то время как с французскими и латинскими порой возникали затруднения. Мы также смогли доказать, что те (немногие) переводы, которые фигурировали в историографии как переводы с польского языка, сделаны с немецкого (никаких потенциальных польскоязычных оригиналов не выявлено), поэтому у нас нет возможности оценить уровень знаний Тяжкогорским польского языка.

Литература

Безъев Д. А. Малороссийский приказ: причины создания, штаты, основные направления деятельности. М., 2015.

Белобородов С. А. Деятельность Н. Г. Спафария-Милеску в России (1678—1707 гг.) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета. 1995—1996. Екатеринбург, 1997. С. 14—27.

Белоброва О. А. Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария // Н. Спафарий.

---

⁹³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 3298, 3314, 3369, 3525 и др. См. также [Демкин, с. 32].

Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 1–22.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий: материалы Международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 187–209.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Шамин С. М. «Государево жалование» переводчикам Посольского приказа в XVII столетии: одежда и ткани (в печати).

Буланин Д. М., Романова А. А. Тяжкогорский (Тяшкогорский) Иван Михайлов // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 52–53.

Гуськов А. Г. Новые сведения к биографии А. А. Виниуса в 1693 г. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г. М., 2019. С. 125–127.

Гуськов А. Г., Майер И. Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий: материалы Международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 45–53.

Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

Кузнецова О. А., Ченцова В. Г., Шамин С. М. Русские переводы элогиума Христиана Борнманна: Великое посольство Петра I и литература // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 111–125.

Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179–244.

Курбатов О. А. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2019.

Лаврентьев А. В. Леонтий Гросс, переводчик Посольского приказа // Лаврентьев А. В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 37–50.

Лаврентьев А. В., Матвеева Е. Н. Гросс Леонтий // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 241–244.

Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.

Лукичев М. П. Новые архивные документы о жизни и творчестве переводчика XVII века С. Ф. Чижинского // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1997. С. 42–49.

Майер И. Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий: материалы Международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 76–81.

Майер И., Русаковский О. В. «Книга лошадиного учения» Антуана де Плювинеля в русском переводе 1670 г. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий: материалы Международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 70–76.

Милюков С. Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус – государственный деятель России второй половины XVII – начала XVIII веков. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Михайловский И. Н. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895.

Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII – XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Междуведомственный сборник научных работ. М., 1983. Вып. 2. С. 107–124.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.

- Токмаков И. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. 1885. № 4. С. 76–81.
- Урсул Д. Т. Николай Милеску Спафарий. Кишинев, 1985.
- Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.). М., 2010.
- Флоря Б. Н. О русских проектах антиосманской коалиции (1679–1680 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 71–90.
- Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
- Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 23–38.
- Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М., 2011.
- Шамин С. М. Новые данные о карьере Андрея Андреевича Виниуса: 1664–1674 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г. М., 2019. С. 442–444.
- Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007.
- Boterbloem K. Moderniser of Russia Andrei Vinus, 1641–1716. Basingstoke (Hampshire) and New York, 2013.
- Dukmeyer F. Korbs Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moskowitisch-russischen, österreichisch-kaiserlichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Berlin, 1909. Bd. 1.
- Wladimiroff I. De kaart van een verzwegden vriendschap: Nicolaes Witsen en Andrej Winus en de Nederlandse cartografie van Rusland. Groningen, 2008.

References

- Beloborodov, S. A. Deyatel'nost' N. G. Spafariya-Milesku v Rossii (1678–1707 gg.) [The Activities of N. G. Spafarij-Milesku in Russia (1678–1707)]. In *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoi kul'tury Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 1995–1996. Ekaterinburg, 1997. P. 14–27.
- Belobrova, O. A. Lichnost' i nauchno-prosvetitel'skie trudy Nikolaya Spafariya [The Personal Development and the Academic-Pedagogical Works of Nikolaj Spafarij]. In *N. Spafarij. Esteticheskie traktaty*. L., 1978. P. 1–22.
- Belyakov, A. V. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg. [Employees of the Ambassadorial Chancery of 1645–1682]. SPb., 2017.
- Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: personal'nyj sostav (predvaritel'nye dannye) [The Translators of the Ambassadorial Chancery in the 17th Century: Personnel (Preliminary Data)]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 sentyabrya 2019 g.)*. М., 2019. P. 187–209.
- Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Shamin, S. M. “Gosudarevo zhalovanie” perevodchikam Posol'skogo prikaza v XVII stoletii: odezhda i tkani [The “Sovereign Salary” for Translators of the Ambassadorial Chancery in the 17th Century: Clothes and Fabrics] (in print).
- Bez'ev, D. A. Malorossijskij prikaz: prichiny sozdaniya, shtaty, osnovnye napravleniya deyatel'nosti [The Little Russian Chancery: Reasons for its Establishment, its Staff, and its Main Activities]. М., 2015.
- Boterbloem, K. Moderniser of Russia Andrei Vinus, 1641–1716. Basingstoke (Hampshire) and New York, 2013.
- Bulanin, D. M., Romanova, A. A. Tyazhkogorskij (Tyashkogorskij) Ivan Mikhajlov [Tyazhkogorskij (Tyashkogorskij) Ivan Mikhajlov]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. SPb., 2004. Vyp. 3. Ch. 4. P. 52–53.
- Demkin A. V. Zapadnoevropejskie kupty i ikh prikazchiki v Rossii v XVII v. [Western European Merchants and Their Commercial Representative in Russia in the 17th Century]. М., 1992.
- Dukmeyer, F. Korbs Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moskowitisch-russischen, österreichisch-kaiserlichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Berlin, 1909. Bd. 1.

- Florya, B. N. Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1665–1661 gg.) [The Russian State and its Western Neighbours (1665–1661)]. M., 2010.
- Florya, B. N. O russkikh proektakh antiosmanskoj koalitsii (1679–1680 g.) [On the Russian Projects of the Anti-Ottoman Coalition (1679–1680)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. № 2 (76). P. 71–90.
- Gus'kov, A. G. Novye svedeniya k biografii A. A. Viniusa v 1693 g. [New Information for the Biography of A. A. Vinius in 1693]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 11–12 aprelya 2019 g.* M., 2019. P. 125–127.
- Gus'kov, A. G., Maier, I. Novye dannye o perevodchike Posol'skogo prikaza Leontii Grosse [New Information about Leontij Gross, a Translator at the Ambassadorial Chancery]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 sentyabrya 2019 g.)*. M., 2019. P. 45–53.
- Kharlampovich, K. V. Malorossijskoe vliyanie na velikorusskuyu tserkovnuyu zhizn' [The Influence of Little Russia on the Church Life of Great Russia]. Kazan', 1914. T. 1.
- Kochegarov, K. A. Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680–1686 gg. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia in 1680–1686: The Conclusion of the Eternal Peace Treaty]. M., 2008.
- Kudryavtsev, I. M. "Izdatel'skaya" deyatel'nost' Posol'skogo prikaza (K istorii russkoj rukopisnoj knigi vo vtoroj polovine XVII veka) [The "Publishing" Activities of the Ambassadorial Chancery (On the History of the Russian Manuscript Book in the Second Half of the 17th Century)]. In *Kniga. Issledovaniya i materialy*. M., 1963. Sb. 8. P. 179–244.
- Kurbatov, O. A. Russko-pol'skaya vojna 1654–1667 gg. [The Russian-Polish War of 1654–1667]. M., 2019.
- Kuznetsova, O. A., Chentsova, V. G., Shamin, S. M. Russkie perevody ehlogiuma Khristiana Bornmanna: Velikoe posol'stvo Petra I i literatura [Russian Translations of the Christian Bornmann's Elogium: The Great Embassy of Peter I and Literature]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016. № 2 (64). P. 111–125.
- Lavrent'ev, A. V. Leontij Gross, perevodchik Posol'skogo prikaza [Leontij Gross, a Translator at the Ambassadorial Chancery]. In *Lavrent'ev, A. V. Lyudi i veshchi. Pamyatniki russkoj istorii i kul'tury XVI–XVIII vv, ikh sozdateli i vladel'tsy*. M., 1997. P. 37–50.
- Lavrent'ev, A. V., Matveeva, E. N. Gross Leontij [Gross Leontij]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. SPb., 1992. Vyp. 3. Ch. 1. P. 241–244.
- Liseitsev, D. V. Posol'skij prikaz v ehpokhu Smuty [The Ambassadorial Chancery in the Time of Troubles]. M., 2003.
- Lukichev, M. P. Novye arkhivnye dokumenty o zhizni i tvorchestve perevodchika XVII veka S. F. Chizhinskogo [New Archival Documents about the Life and Work of the 17th-century Translator S. F. Chizhinsky]. In *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)*. M., 1997. P. 42–49.
- Maier, I. Otkuda byl rodom perevodchik Ivan Tyazhkovskij? Istoriograficheskie i lingvisticheskie argumenty [What Were the Origins of the Translator Ivan Tyazhkovskij? Historiographic and Linguistic Arguments]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 sentyabrya 2019 g.)*. M., 2019. P. 76–81.
- Maier, I., Rusakovskij, O. V. "Kniga loshadinogo ucheniya" Antuana de Plyuvinyela v russkom perevode 1670 g. ["The Book of Horse Training" by Antoine de Pluvinel in a Russian Translation of 1670]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 sentyabrya 2019 g.)*. M., 2019. P. 70–76.
- Mikhajlovskij, I. N. Ocherk zhizni i sluzhby Nikolaya Spafariya v Rossii [Essay on the Life and Service of Nikolaj Spafarij in Russia]. Kiev, 1895.
- Milyukov, S. G. Dumnyj d'yak Andrej Andreevich Vinius – gosudarstvennyj deyatel' Rossii vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII vekov [The dumnyi d'yak Andrej Andreevich Vinius, a Statesman in Russia in the Second Half of the 17th and Early 18th Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2000.
- Morozov, B. N. Iz istorii russkoj perevodnoj nauchnoj i tekhnicheskoy knigi v poslednej chetverti XVII–XVIII vv. (Arkhiv perevodchikov Posol'skogo prikaza) [From the History of the Translated Russian Scientific and Technical Books in the Last Quarter of the 17th – 18th Centuries. (Archive of Translators of the Ambassadorial Chancery)]. In *Sovremennye problemy knigovedeniya, knizhnoj trgovli i propagandy knigi. Mezhdudedomstvennyj sbornik nauchnykh rabot*. M., 1983. Vyp. 2. P. 107–124.

- Sedov, P. V. Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskij dvor kontsa XVII veka [The Decline of the Muscovite Kingdom: The Tsar's Court at the End of the 17th Century]. SPb., 2006.
- Shamin, S. M. Moda v Rossii poslednej chetverti XVII stoletiya [Fashion in Russia in the Last Quarter of the 17th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2005. № 1 (19). P. 23–38.
- Shamin, S. M. Kuranty XVII stoletiya: Evropejskaya pressa v Rossii i vzniknovenie russkoj periodicheskoj pechati [Kuranty of the 17th Century: The European Press in Russia and the Emergence of the Russian Periodical Press]. M., 2011.
- Shamin, S. M. Novye dannye o kar'ere Andreya Andreevicha Viniusa: 1664–1674 gg. [New Data on the Career of Andrei Andreevich Vinus: 1664–1674]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 11–12 aprelya 2019 g.* M., 2019. P. 442–444.
- Sobolevskii, A. I. Perevodnaya literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vekov. Bibliograficheskie materialy [Translated Literature of Muscovite Russia of the 14th – 17th Centuries. Towards a Bibliography]. SPb., 1903.
- Tokmakov, I. Materialy dlya istorii russkoj i inostrannoj bibliografii v svyazi s knizhnoj torgovlej [Materials towards a History of Russian and Foreign Bibliography in the Context of the Book Trade]. In *Bibliograf*. 1885. № 4. P. 76–81.
- Ursul, D. T. Nikolaj Milesku Spafarij [Nikolaj Milescu Spathari]. Kishinev, 1985.
- Wladimiroff, I. De kaart van een verzwegen vriendschap: Nicolaes Witsen en Andrej Winus en de Nederlandse cartografie van Rusland. Groningen, 2008.
- Yurkin, I. N. Andrej Andreevich Vinus, 1641–1716 [Andrej Andreevich Vinus, 1641–1716]. M., 2007.

Andrej G. Gus'kov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ingrid Maier

Uppsala University, Sweden

LANGUAGES AND TRANSLATORS:
ON THE LIFE AND WORK OF IVAN TYAZHKOGORSKII,
ONE OF THE AMBASSADORIAL CHANCERY'S GREATEST POLYGLOTS

This study is devoted to the life and career of Ivan Mikhailovich Tiazhkogorskii, a translator at the Ambassadorial Chancery in Moscow. We trace the main events of his life, the circumstances of his appointment to a position at the Ambassadorial Chancery (which was connected with A. L. Ordin-Nashchokin, head of the Chancery at the time), the important landmarks of his career, including details about the fluctuations in his salary and wages, and we examine the most important diplomatic and other duties he carried out. Particular attention has been paid to his knowledge of the foreign languages that are mentioned in the archival documents: German (“tsesarskii”, literally ‘imperial’), French, Polish, Latin, Hungarian, and Ruthenian (“belorusskii”). Moreover, we have compared some of Tiazhkogorskii’s draft translations from German, French, and Latin – as far as they survive in the archives – with the foreign originals. This analysis allows us to trace elements of Tiazhkogorskii’s “foreign accent” in his Russian translations. Our paper corrects some inaccuracies that have appeared in previous studies.

Keywords: Seventeenth-century Muscovite Russia, translators at the Ambassadorial Chancery (Posol'skii Prikaz) in Moscow, Ivan Tiazhkogorskii